

Вадим Эрнстович ФИШЕР (СМОЛЕНСКИЙ)

Родился в 1921 году в Смоленске. Родители – коренные смоляне. Отец был репрессирован и в 1937 году выслан в Германию. Вадим успешно окончил десятилетку и в 1939 году поступил в Одесский электротехнический институт инженеров связи. Вскоре по приказу Ворошилова был уволен из института для призыва в Красную Армию. Призыв для Вадима затянулся в связи с тем, что отец находился за границей. В мае 1940 года он был арестован и внесудебным решением Особого совещания НКВД СССР приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

В Севдвинлаге, а позднее в Воркутлаге, строил железную дорогу, работал на угольных шахтах.

В мае 1948 года, когда освобождался, изъявил желание жить и работать в тех краях, где развита угольная промышленность. Его выбор пал на Кузбасс. Когда по направлению приехал в Прокопьевск, возникло

много трудностей с пропиской из-за особой отметки в паспорте. Решил обосноваться в соседнем Киселевске. Оформился работать вначале в ПТУ, затем на шахту имени Вахрушева. Впоследствии отдал этому предприятию 35 лет своей трудовой деятельности.

Был активным рационализатором, за что неоднократно награждался. В шестидесятых годах стал членом лекторской группы общества «Знание». Большинство тем его лекций были связаны с техникой. Одна из них, носившая название «Что такое кибернетика», имела особо прогрессивный характер по тем временам.

Реабилитирован. В 1993 году получил из Смоленска вырезку из местной газеты, где в материале «Возвращение из небытия» значился и он, и его отец.

Основу словесного творчества В. Фишера составляют воспоминания, рассказы о замечательных людях, коих часто приходилось встречать в жизни, а также интересные факты из истории родного Смоленска. Вадим Эрнстович пишет, в основном, для себя лично, но многие из его материалов публиковались в городских газетах.

Зачастую они сопровождались авторскими фотоснимками, так как В.Э. Фишер долгое время увлекался фотоделом.

НЕВЫСКАЗАННАЯ ГРУСТЬ

Недавно при посещении кладбища в районе шахты № 12 я попытался найти могилу киселевского поэта, члена Союза журналистов России Александра Акимовича Алферова, ушедшего из жизни 16 лет тому назад. Он погребен не на престижном месте, и при нынешнем хаосе захоронений на этом кладбище найти его могилу оказалось совсем не просто. Даже несмотря на то, что в тот холодный день сентября 1985 года я сам был на похоронах Александра Акимовича.

Конечно, сейчас Александра Алферова немногие помнят. Молодежь, пожалуй, не знает совсем, хотя след в культурной жизни Киселевска он оставил весьма заметный. В сентябре 1998 года и в феврале 1999-го в «Киселевских вестях» были опубликованы статьи, посвященные памяти Алферова. Я был знаком с поэтом и общался с ним около 24 лет. В этой статье я хочу лишь рассказать то, что сам о нем помню, по возможности не повторяя ранее о нем написанное другими.

Конечно, главными в творчестве Александра Алферова были стихи о шахтах, нелегком труде горняка. Он пытался опозитизировать шахтерский труд, и порой ему это удавалось.

Это были те стихи, которые в то время были нужны. Но довольно часто он затрагивал и совершенно иные жизненные темы. Не чужда ему была и лирика.

Приехал Алферов в Киселевск из Донбасса после окончания в 1953 году индустриального техникума. С собой он привез целую тетрадь не опубликованных ранее стихов и продолжал ее пополнять. Работая мастером в горнопромышленном училище, он становится частым гостем городской газеты «В бой за уголь», где ему удается опубликовать некоторые свои стихи. Для художественной самодеятельности клуба «Угольщики» пригодились его песни, написанные вместе с хормейстером Николаем Зданевичем, впоследствии ставшим заслуженным работником культуры. В 1961 году Алферову предложили редактировать

еженедельную многотиражную газету «За уголь» на шахте имени В.В. Вахрушева. Он дал на это свое согласие, поскольку был рад появившейся возможности целиком посвятить себя литературной деятельности. В многотиражке он мог теперь сам, по своему усмотрению, публиковать свои стихи. Должности редактора многотиражки на шахте тогда не было, и он был зачислен в штат как «уборщик хозчасти» с более чем скромным окладом. Било по самолюбию также и то, что газету, которую он делал сам от первой строки до последней, подписывал кто-то другой, обычно член парткома шахты. Алферову, в то время беспартийному, ставить свою подпись под газетой не полагалось. В 1961 году в многотиражке «За уголь» я прочел стихотворение Алферова «Город моих ровесников». В нем он вспоминает о поездке в места, где прошла его молодость. Вот фрагмент этого стихотворения:

*И занес меня поезд скорый
В неплацкартном купе своем
В те края, просторы которых
Мы на сердце всю жизнь несем.
Город встретил шумящим кленом
На окраине у плетня
И веселым трамвайным звоном
Разволнованного меня.
По знакомой брожу сторонке.
Город вырос – узнать сумеи!
Вот и дом, где жила девчонка,
Что не будет уже моей...*

Сам я незадолго до этого вернулся из города своей юности – Смоленска, где провел часть отпуска, и ностальгия прочитанного стихотворения была созвучна моим собственным переживаниям. Я решил познакомиться с автором. В редакции навстречу мне поднялся со стула круглолицый человек среднего роста в больших очках. Он со стеснительной улыбкой отрекомендовался: «Алферов», – и протянул мне руку. Я поблагодарил его за стихи, и мы разговорились. Он рассказал мне о своей небольшой поэтической библиотеке, но, по его словам, уникальной. У него было немало книг с автографами известных авторов. Мой вопрос, есть ли у него книги таких поэтов как Надсон, Северянин, Хлебников, его удивил: «Конечно же, есть! Ну что бы я сам стоил без моей библиотеки! Ведь я все же художник слова. Пусть маленький, но художник!» – не без гордости ответил он. Завязалось знакомство, и Александр Акимович стал частым гостем у меня дома. Интересовался он моей личной библиотекой, а также фонотекой. С удовольствием слушал записи Александра Вертинского, Петра Лещенко, песню на слова Павла Когана «Бригантина». Но особенно его тронула песня на слова Жемчужникова «Журавли». «Здесь под небом чужим, словно гость нежеланный...». Чувствовалось, что у Алферова, пишущего стихи в основном на шахтерскую тему, есть какая-то затаенная, невысказанная грусть. Со време-

нем я узнал, что в начале войны его, тогда тринадцатилетнего мальчишку, фашисты вывезли из оккупированного Донбасса в Германию. Там, «под небом чужим» Баварии, он был «остарбайтером» до 1945 года. Сам об этом неохотно и с грустью рассказывал. В первые послевоенные годы такой факт биографии был весьма нежелательным пятном. Не случайно в одном из его стихов есть строки: «В сорок пятом бойцу поверить не умел особый отдел...».

Было такое в первые послевоенные годы. Но в конце пятидесятых – начале шестидесятых пришли другие времена. Александр Акимович, человек принципиальный и честный, завоевал уважение коллектива шахты. Будучи в обращении с людьми мягким и приветливым, он умел держать дистанцию и соблюдать такт. Он стал часто выступать в школах и рабочих общежитиях с декламацией стихов, был гостем Кемеровского областного телевидения. Принимал участие в работе народной киностудии Киселевска, руководимой Юрием Ивановичем Гончаровым. Со временем Алферов стал официальным редактором газеты «За уголь», продолжая активно сотрудничать и с молодежной редакцией городской газеты «В бой за уголь». У Александра было много энергии, и он на протяжении долгих лет руководил работой литературной группы Киселевска. Но главным для него всегда было поэтическое творчество, особое место в котором занимает лирика. Стихотворений этого жанра у Алферова немного, и кто явился для него прекрасной Дульсиной – остается загадкой. Во всяком случае, ее имени он никогда не называл. Он пишет:

*Ее глаза!
Наверно, от богинь
Такие оставляются
В наследство.
В таких глазах
Ликует солнце детства
И юности
Кольщутся огни...
(фрагмент стихотворения «Стена»).*

Но романа не случилось: между ними возникла стена, которую не суждено было сломать, и он остался один со своим платоническим чувством. Вот стихотворение «Тень», напечатанное в газете «В бой за уголь» в рубрике «У древа поэзии»:

*О таких делах, о таких вещах
Долго помнится, но не вам...
Вы не видели, как, смиряя шаг,
Вас преследовал по пятам.
Вы не быстро шли и не медленно
По делам, неизвестным мне.
Как тут быть, если сердцем велено
Придержаться себя в стороне?
А поэтому сам с собой воюю
И при этом вас не задень...
Не смотрели вы и на тень свою,
Очень четкую в этот день.*

*Что мне стоило? Мог бы запросто
И догнать вас, и перегнать...
Только, знаете, у прекрасного
Даже тень не могу топтать.*

Алферов был скромным человеком и не переоценивал свой поэтический дар. Он сам про себя пишет:

*Он в самом деле
В чем-то там дерзал,
Но только
При способностях вот этих
Он на орбиту славы
Не взлетал...
(«Стена», 1967 г.).*

Работа над стихами для Александра Акимовича никогда не была легким делом. Чтобы не отвлекаться, он у себя дома не имел телевизора. Много курил. Он писал:

*Мне в жизни звезд не досталось с неба.
Копейка шла лишь с потом пополам...*

Критику в свой адрес Александр воспринимал очень болезненно. Вот фрагмент из его стихотворения «Позиция»:

*Я оказался в тупике:
Как будто сговорясь,
Меня сжимали в кулаке
И втоптывали в грязь.
Я обвинялся во грехах,
О коих и не знал:
В том, что вот в чьих-то
Не был снах,
А в чьих-то побывал...*

*...В том, что немало книг прочел,
А впрок или не впрок?
Тоскливо стало на душе.
Избили, как ремнем.
Я погибал, как в блиндаже,
Накрытом артогнем...*

Шли годы. Алферов продолжал редактировать многотиражную газету «За уголь», работал над созданием цикла стихов для детей, пытался публиковать свои стихи в различных издательствах.

Но уже сознавал, что многое, о чем он раньше мечтал, к чему стремился, уже никогда не сбудется. В стихотворении «Порог» он об этом прямо пишет:

*...Но в висках забелели волосы,
Внешний облик тебе губя.
И ребята, что были в космосе,
Помоложе чуток тебя.
Что ж, тебе по весенней рожице
Не бежать за девчонкой вслед.
... О порог, за которым хочется
Быть моложе прожитых лет!*

В 1979 году здоровье Александра Акимовича заметно ухудшилось. Врачи не разрешили ему ехать в Кисловодск, и выделенную профкомом курсовку пришлось сдать. Это стало для него ударом, поскольку потеряна была надежда увидеться со своей родной тетей, жившей в Кисловодске. Александр стал меньше писать стихов, но начал работать над созданием повести. В ее основу должны были лечь факты из собственной жизни в период военных лет, которые он провел «под небом чужим» Баварии. Он довольно много написал и давал читать еще «сырой» материал своим знакомым. Я тоже прочел несколько глав. Читать было интересно, но тогда подумал, что опубликовать повесть Алферову не удастся. Еще было не то время. В начале 80-х годов у Александра случился микроинсульт, после которого он уже полностью не оправился, хотя еще продолжал работать. Второго сентября 1985 года его не стало. Я написал об этом его родным в Ленинград и Кисловодск. В ответном письме родственник поэта С.С. Мултанов, вспоминая покойного, пишет:

«Да, судьба Саши была необычной и, я бы сказал, несправедливой. Обычного детства у него не было. Отца он не знал. Мать, оставшаяся без мужа, жила в тяжелых материальных условиях, что отразилось на его физическом развитии. Потом война, загнавшая его на чужбину. Затем возвращение на Родину, учеба. Когда стал на ноги, то вскоре похоронил мать. Создать свою семью он и не думал. Но добрый характер, целеустремленность не дали закиснуть его дарованиям. Несовременной в теперешней жизни была его незащищенность. Но что поделаешь, видимо, это от природы. В этом он был весь в мать...»

Пожалуй, к этому трудно что-либо добавить. Хотелось бы только, чтобы читатели вспомнили об Александре Акимовиче Алферове, поэте, журналисте и просто хорошем человеке. Светлая ему память!

Вадим ФИШЕР (СМОЛЕНСКИЙ).